

УДК 378.148

КНИГА КАК ПРЕДМЕТ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

О. А. Климова

*Институт информационных технологий БГУИР,
ул. Козлова 28, 220037, г. Минск, Республика Беларусь, kldmk2020@gmail.com*

Искусство формирует социальные связи через социальный интерес. Библиофильство как особая форма культурной деятельности отражает этот принцип, когда книга становится не только носителем информации, но и объектом эстетизации и индивидуализации. Использование книги как знакового элемента в социальных взаимодействиях обогащается коннотативными значениями, подчеркивает связь между игрой и культурой, значимость книги в научном и культурологическом аспектах.

Ключевые слова: книга; библиофильство; коннотация; принцип эстетизации; социальная игра.

THE BOOK AS A SUBJECT OF A SEMIOTIC GAME IN MODERN SOCIETY

О. А. Klimova

*Institute of Information Technologies BSUIR,
Kozlova str., 28, 220037, Minsk, Republic of Belarus, kldmk2020@gmail.com*

Art forms social connections through the social interest. Bibliophilia as a special form of cultural activity reflects this principle, when a book becomes not only a carrier of information, but also an object of aestheticization and individualization. The use of a book as a symbolic element in social interactions is enriched with connotative meanings, emphasizes the connection between the game and culture, the significance of the book in scientific and cultural aspects.

Key words: book; bibliophilia; connotation; principle of aestheticization; social game.

Игровое (людическое) начало можно обнаружить в различных сферах человеческой жизни. Человек играющий – одна из ипостасей человека, а также неотъемлемый аспект индивида нашего столетия. Для того, чтобы эта ипостась получила свою реализацию, в действие включаются как лингвальные, так и экстралингвальные факторы. Во многочисленных исследованиях обращается внимание на разнообразные аспекты этого широкого и

многостороннего явления.

Понятие игры находится в прямом соотношении с понятием культуры. Согласно концепции нидерландского философа Й. Хейзинги, искусство как одна из важных частей культуры генетически вырастает из игры. По мнению ученого, любая игра является разновидностью условно-реальной деятельности и протекает внутри своего игрового пространства, в котором «царит собственный безусловный порядок», имеют силу особенные, собственные правила, представляющие собой «временные миры внутри обычного, созданные для выполнения замкнутого в себе действия» [1, с. 17]. Основополагающими характеристиками игры являются процессуальность (игра как деятельность ограниченная во времени и пространстве, где мотив заключается не в результате этой деятельности, ее продукте, а в самом процессе); протекание в условно-реальном игровом пространстве; наличие правил поведения в условном игровом пространстве (при этом допускается вариативность выполнения этих правил); возможность манипуляции предметами, действиями, ограниченная ситуацией, в которой находятся участники игры; а также непредсказуемость, зависимость развития игры от ситуативных комбинаций элементов, создающая напряжение игры. Тот факт, что деятельность в ходе игры разворачивается в условном игровом пространстве, указывает на близость игры и искусства. И в игре, и в искусстве поиск решения ведется не в практической сфере, а в сфере условной, которая в дальнейшем может выступать в качестве поведенческой модели, отмеченной двуплановостью, а также особой психической установкой играющего. Игра – это своего рода манипулирование, цели у этого манипулирования могут быть самые разные, и в зависимости от конкретной задачи можно определять вид игры. Следует также отметить, что не всегда игру можно считать «непродуктивной деятельностью», направленной на сам процесс, так как в результате языковой игры возникают такие интересные явления, как шутка, каламбур, парадокс и др.

Сильной стороной такой теории является тезис о системообразующей роли игры, отвечающей потребностям социальной организации людей на разных уровнях совместной жизни. Но в отличие от иных форм деятельности, где отношения людей обычно регулируются внешними нормами и предписаниями, в условиях игры между ними устанавливаются связи благодаря единому специальному интересу и на общей для них эмоциональной основе. Таким образом, возникает своеобразная социальная микросреда с характерными для неё ценностными критериями и единой душевной устремлённостью. Границы этой микросреды определяются личностными связями, которые поддерживают между собой её члены и, как следствие, особым языком – правилами общения и кодом, состоящим из

принятых, осмысленных в данной среде единиц. Игровая деятельность во многом способствует развитию творческих способностей личности, она требует от участников эвристичности деятельности, когнитивной способности к переключению с одного кода на другой [1, с. 18–27]. Во многих работах, специально посвященных игре, указывается на то, что игровую интерпретацию могут получить всевозможные явления, в том числе и социальные.

Все эти положения в большей мере свойственны деятельности, объединяющей более или менее значительную группу людей на основе их специфического отношения к книге и связанной с понятием библиофильства. Книга в данном случае получает применение, которое выводит её за пределы исторически устоявшегося назначения. Возникает некая вторичная сущность (вторичный смысл, т.е. коннотация), для которой изначальная, содержательная сторона книги уже не является главной, а отходит на второй план. Широкое применение вторичного фактора книги происходит под влиянием именно социо-психологических факторов и на основе столь характерного для культурной жизни принципа – принципа игры [2, с. 55–57].

Собирание книг, будучи феноменом жизни человека, известно с давних времён. Философ Л.-С. Мерсье воздает хвалу тем, кто собирает литературные произведения, «дабы они могли избежать гибели и дойти до потомков». Книга постепенно становится не только вместилищем мысли и чувства, но и чем-то материальным, оцениваемым в зрительном или даже в тактильном ощущении. Например, А. Франс в своей работе «Книга библиофила» говорил, что ценность книги для него находится, помимо прочего, в зависимости от соотношения текста и иллюстраций, от характера шрифтов, качества бумаги. Эти и многие другие тенденции всё больше укрепляются в начале XX века, и уже в 20–30 гг. библиофильство во Франции приобретает черты известной завершённости, вырабатывает свою систему норм и правил поведения.

Основным принципом, которому отвечает библиофильская деятельность во Франции, является принцип эстетизации. Это сказывается в ярко выраженной установке на эстетические предпочтения эпохи и, в этой связи, на использование результатов, достигнутых в особо близких к книжному делу искусствах, в первую очередь живописи и графике. В конце XIX в. основными являлись тенденции импрессионизма, символизма, которые затем получили развитие в течениях кубизма, фовизма, экспрессионизма. В это же время в обиход библиофила вводится понятие индивидуализации книги как предмета культуры. В стремлении к ограничению тиража до минимальных размеров сливаются, с одной стороны, библиофильский критерий редкости для книги и, с другой, – критерий

единичности для произведения искусства. Индивидуализации книги способствует создание роскошных изданий в единственном или нескольких экземплярах, отвечающих условиям эстетизации и предназначенных особой категории читателей.

В особых случаях на книге обозначается лицо, которому заранее предназначается данный экземпляр: “*Imprimé spécialement pour...*”.

Обычно подобные факты библиофильской деятельности связаны с регулирующим влиянием со стороны общественных институтов и прежде всего издательств. Но вместе с тем, существуют и более свободные формы библиофильства, в основе которых лежат внутренние стимулы, определённые личными предпочтениями библиофилов и стремлением к самовыражению. Прежде всего это проявляется в их отношении к переплётам книги. Подобно тому, как семантика самой книги обрастает вторичными осмыслиениями, понятие переплета также обогащается коннотативными значениями. Дело в том, что владелец личной библиотеки имеет возможность самостоятельно снабдить книгу переплётом по своему вкусу (касается, в основном, роскошных изданий), что предоставляет библиофилу чувство известной свободы в самовыражении, творческой сопричастности к искусству. Именно к искусству, потому что во Франции в 20-30 гг. прошлого века переплётное дело достигло такого художественного совершенства, что его с полным правом приравнивали к искусству.

На уровне частной жизни и отношений между людьми книга выполняет разнообразные знаковые функции, связанные с престижными свойствами этого атрибута культуры: она широко используется в целях поощрения интеллектуальных и творческих успехов (в качестве дара или премии), привычно вписывается в интерьер жилища, вступая в стилевое взаимодействие с другими предметами художественно-бытового антуража, такими как произведения живописи, музыкальные инструменты, мебель... Книга оказывается весьма чувствительным элементом для сферы личных отношений людей, что также важно для понимания её коннотативных возможностей. Это проявляется прежде всего в поведении тех, кто по роду деятельности непосредственно связан с книгой. Например, А. Эрман вспоминает, как начинающим писателем он направил В. Гюго свою первую книгу и как был польщён, обнаружив, много лет спустя, после кончины Гюго, что подаренная им книга оказалась – как знак внимания со стороны великого поэта – переплетённой.

На фоне облагороженной коннотации книги объяснимо и обращение к этому предмету в конфликтных ситуациях для характеристики оппонента. Цель подобного использования образа книги заключается в том, чтобы принизить личность противника путём сталкивания несовместимого: высокого смысла книги как символа культуры, с одной стороны, и

неблаговидного поведения, с другой стороны. Например, нападки на Ротшильдов в период обострения антисемитизма сопровождались утверждениями, что в их имении Феррье библиотека настолько мала, а книги в таком неприглядном виде, что вряд ли образованному человеку захотелось бы «проверить по ним цитату». В таком контексте книга изменяет своему подлинному назначению и фактически становится предметом социальной игры, выражением особой моды [3, с. 33–40].

В наши дни по-прежнему отношение к книге определяется не только её значением как средства просвещения и инструмента познания. Во Франции, в большей мере, чем во многих других странах, книга воспринимается как ценнейший продукт культуры и потому пользуется особым вниманием со стороны общества и государства: литературные произведения ежегодно отмечаются неисчислимым количеством премий; путём пропаганды книги Франция пытается закрепить во внешнем мире впечатление о своем обществе как «обществе развитой цивилизации».

Библиографические ссылки

1. Хёйзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 17–30.
2. Макаров В. В. *Francus ludens* в языке культуры // Новые подходы к вопросам теории и практики преподавания французского языка в Республике Беларусь. М., 1998. С. 55–62.
3. Макаров В. В. Книга как предмет культуры и социальной игры во Франции (20 - 30-е гг. XX в.) // Матэрыялы першых kniгазнаўчых чытанняў. М., 2000. С. 33– 48.